

НОЧЬЮ прошел дождь. И днем собирался снова. Низкие тучи плыли над городом медленно, цепляясь за шпили соборов, за крыши древних башен. И только во внутреннем дворике этого дома то ли от крашенных желтым стен, то ли от позолоты оконных переплетов было светло. И было тихо. Из приоткрытых окон, сменяя еле слышный рассказ магнитофонного гида, лилась музыка — голос скрипок, голос клавесина, высокий и чистый голос хора... Дом жил своей обычной музейной жизнью, а в город уже входил праздник. Дом имел к празднику отношение самое непосредственное. Именно здесь, в центре старого Галле, в 1685 году родился Георг Фридрих Гендель.

Он ушел отсюда восемнадцатилетним. Уже знаменитым, уже отмеченным печатью гения. Он будет жить и творить в Гамбурге, Ганновере, Италии, Англии. Судьба решительно поведет его не только через города и годы, но сквозь пространство и время. И не раз сделает по дорогам Европы замысловатую петлю, чтобы привести его в город детства. Приходил ли он к этому дому, уже чужому? Может быть. Прoshлое для всех нас, детей человеческих, окрашено цветом теплой радуги. Стоял ли перед этим домом расстроенный или разгневанный Бах? Однажды, прослышав, что Гендель в Галле, Бах со всей возможной поспешностью устремился туда же. Видно, лошади были не резвы — он опоздал. Чем богатила бы такая встреча их самих, музыку, нас? Кто знает... Произведения Генделя широко звучали в Германии XVIII века. Бах их знал и ставил высоко. Гендель, живущий постоянно,

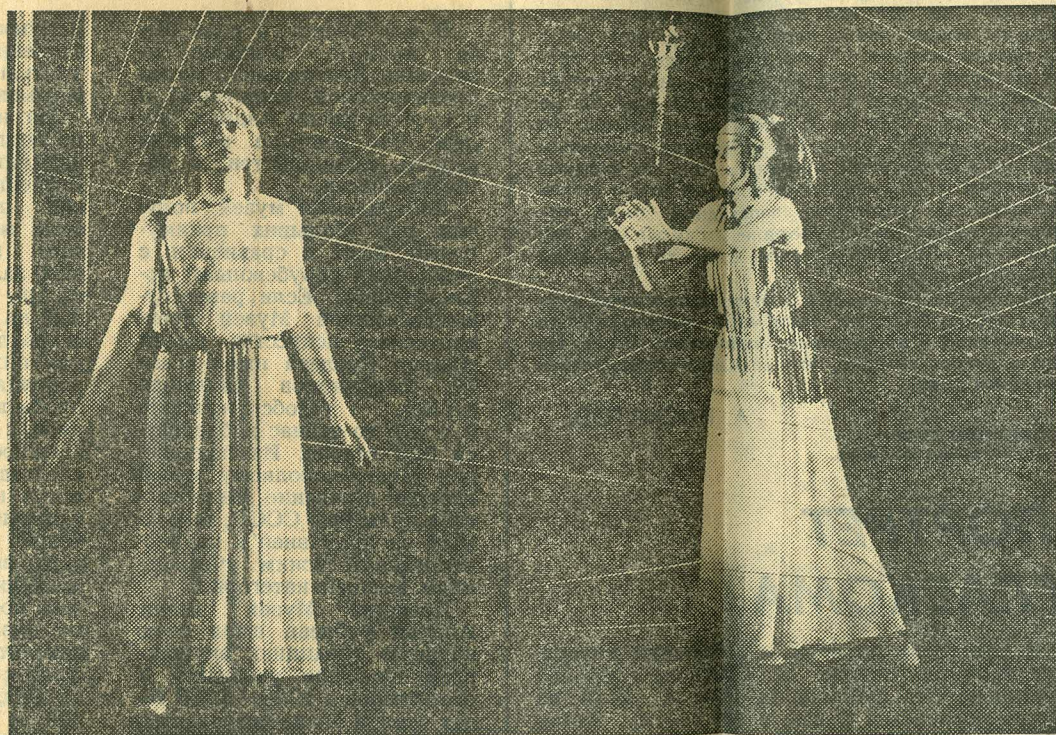
ФЕСТИВАЛЬ В ГАЛЛЕ: ВЗГЛЯД СО СВОЕГО БЕРЕГА

езность подхода демонстрируют обе стороны.

Первый концерт — выступление хора мальчиков города Галле. Поют они с профессиональным оркестром и солистами-«звездами», в том числе и с первым контратенором мира И. Ковальски. И поют они сложнейшую ораторию Генделя «Выбор Геркулеса».

Все на фестивале четко, все по плану. Любой организационный срыв вызвал бы неподдельное изумление. Их не было никогда — они невозможны, срывы. Вся подготовительная работа сосредоточена в одних руках — Генделевского центра. Это тридцать человек, они составляют программы фестивалей, ведут переговоры с солистами и коллективами, своими и зарубежными, с концертными залами и театрами, гостиницами и транспортным управлением. Программа в целом известна за пять лет. Полностью, во всех подробностях, она готова за год, и деньги — просчитанные до последней марки, — заложены в годовой бюджет.

Многое делает и Генделевское общество: научная программа, издательская деятельность — в его руках. Приглашая на фестиваль своих членов и гостей, общество берет на себя и финансовую заботу о них. Забота немалая — каждый такой гость обходится в

в втором спектакле «Ринальдо» (а опера написана на сюжет поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим») Вестник появляется в стане крестоносцев в треуголке и мундире с Бонапартова плеча. В другой концертной

этом лишний раз убедил нынешний Генделевский фестиваль.

Музыканты из нашей страны — частые гости фестиваля в Галле. И нынче здесь были оркестры из Москвы и Гру-

ной — просто ли нам будет даже «соответствовать»?

На фестивале выступал Малый симфонический оркестр СССР (руководитель Ю. Симонов). Элегантная манера этого коллектива пришлась по душе

же, видно, лошади были не резвы — он опоздал. Чем обогатила бы такая встреча их самих, музыку, нас? Кто знает... Произведения Генделя широко звучали в Германии XVIII века. Бах их знал и ставил высоко. Гендель, живущий постоянно в Англии, знал лишь имя Баха. Музыки его не слышал никогда...

Сегодня имена двух великих соотечественников и современников в истории мировой культуры стоят рядом. Везде на земле, только не в городе Галле. Здесь один памятник, одна память и одна любовь — Георг Фридрих Гендель.

Фестиваль Генделя в Галле проходил в июне этого года в 37-й раз. Каким представили бы мы заочно такой праздник? Певческое поле или поэтическая поляна и многолюдная, многоголосая сладостная суета. Не так ли? Здесь нет ни полей, ни суеты, ни броской рекламы. Концерты — днем и вечером, причем вечером в трех—пяти залах одновременно. Залы переполнены, но никто не спрашивает и не предлагает лишнего билета. Лишь однажды, в воскресенье, поутру фестиваль вышел на площадь. Возложили венки к памятнику Генделю, выстроился хор, зазвучала музыка. Люди стояли вокруг или шли мимо. Катили через площадь трамваи, медленно, без звона, шуршали машины. Город не мешал фестивалю. Но и фестиваль не мешал городу.

Одна деталь: в витринах всех аптек города Галле выставлены портреты Генделя. Отец композитора был лекарем, и почти три века местные аптекари чувствуют свою особую причастность к музыке, а Генделевский фестиваль считают своим цеховым праздником.

Не углубляясь в наш собственный XVIII век, не воспаряя к именам Бортиянского или Березовского, спросим себя: знаем ли мы, кем был отец нашего современника Шостаковича? Чем обязан гений XX века генам и семейной традиции?..

Первый номер научной программы фестиваля — коллоквиум для школьников и студентов. Осведомленность и серьезное

многое делает и Генделевское общество: научная программа, издательская деятельность — в его руках. Приглашая на фестиваль своих членов и гостей, общество берет на себя и финансовую заботу о них. Забота немалая — каждый такой гость обходится в тысячу марок. Но — своя забота. На собрании этого года голосованием было единогласно решено вдвое увеличить годовой взнос для членов общества, с 10 до 20 марок, оставив его неизменным только для пенсионеров и студентов.

Ежегодно фестиваль в Галле напоминает миру о том, сколь велико, многообразно и современно творческое наследие Генделя. Естественно, объять необъятное не может даже фестиваль. Программы меняются, каждый год особо избирается и рассматривается подробно лишь одна сторона в многоликом и многозвучном творческом наследии великого земляка. Нынче интерес фестиваля был сосредоточен на его оперных и ораториальных сочинениях.

После премьеры «Ореста», которая состоялась в уютном, но отнюдь не маленьком пригородном театре, доктор Майер, президент Генделевского общества, удрученно сказал, что может рассматривать этот спектакль только, как пародию. Приговор слишком суров. В генделевские времена опера исповедовала эстетику необычайного, условность сценического действия была доведена почти до абсолюта, дальше в этом пошел только Вагнер. Герой был выделен из толпы невероятным голосом и обликом, часто ставился на котурны. «Орест» в постановке оперной труппы города Галле — на той же эстетической платформе. Голые белые стены, жесткий стук топора о кованые двери, окровавленные руки, плащ Ифигении, наброшенный так, что она представляется человеком без головы, и кажется, что чуткое жало вытянутого вперед меча заменяет ей и глаза, и сердце. Да, неловкость и нечто похожее на жалость испытываешь, когда жена Ореста оказывается и духовно, и сценически точной копией бальзаковской дамы полусвета. Понимаешь, что это не случай, это принцип, когда

на втором спектакле «Ринальдо» (а опера написана на сюжет поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим») Вестник появляется в стане крестоносцев в треуголке и мундире с Бонапартова плеча. В своей трактовке необычайного театр идет от своей сегодняшней, быть может, слишком подробной, осведомленности о прозе жизни — они ведь не только певцы, они и люди своего времени. Но звучит подлинный Гендель, у них прекрасные голоса, они все молоды и красивы, и актеры, каким драма позавидует. Опера Галле — живой театр, театр искренней мысли и страсти. Молодежь, а молодых в зале много, награждает спектакли не только громкими аплодисментами, но и бурным топотом — выражением высшего восторга в духе нашего времени.

Театр поставил десять опер Генделя, в том числе и «Тамерлана», спектакль, который идет пять часов. Его играют в огромном зале Дворца культуры химического комбината. Это самый молодежный по аудитории оперный спектакль.

Труппа живет в условиях суровой конкуренции. В 40 километрах — Лейпциг. В 60 — Дессау. Города с большими оперными театрами. Публика избалована, воспитана на хорошей музыке, на хороших постановках. Оперы Генделя — своеобразная эстетика — стали той основой, на которой театр Галле сформировал свой особый мир, привлекательный, яркий, не похожий на другие. И нашел свою публику.

Меж тем оперного театра как такового в Галле нет. Есть — театр. И в нем — драматическая труппа, оперная, оперетта, несколько групп сатириков и куплетистов, словом, — эстрада, работающая в ресторанах и кафе. Все это — с одной дирекцией и под одной финансовой крышей. Иногда надо идти на поводу у публики, ведь в ресторане не обязательно только пить, есть. Возможен в искусстве допустимый компромисс, чтобы зарабатывать и иметь возможность поддержать экспериментальное, высокое, необходимое. Именно такой принцип

этом лишний раз убедил нынешний Генделевский фестиваль.

Музыканты из нашей страны — частые гости фестиваля в Галле. И нынче здесь были оркестры из Москвы и Грузии, Московский камерный музыкальный театр. Но никогда в рамках этого фестиваля не звучала русская хоровая музыка. Мы в целом немецкую музыку знаем лучше, чем в ГДР знают русскую. Это наблюдение не от обиды. Жизнь великой музыки не зависит от сегодняшней конъюнктуры концертного зала. Она рано или поздно зазвучит. Вот только — рано или поздно? И от кого это зависит?

И в этой связи хотелось бы рассказать об одном незначительном эпизоде. Среди гостей фестиваля был доцент Ленинградской консерватории Иван Сергеевич Федосеев. Его в Галле хорошо и давно знают, его работы по творчеству Генделя переведены и изданы в ГДР. Однако на сей раз он выступал не с докладом: он привез в адрес Генделевского общества письмо от Ленинградского музыкального общества. Обычное приветствие и обычные в таких случаях подарки — пластинки с записями Рахманинова и Дворжака в исполнении Ленинградской академической капеллы. Здесь это не принято, и потому произвел приятное впечатление. Но осталось бы только эпизодом, если бы не последняя фраза письма, где ленинградцы написали: «Хотелось бы узнать ваше мнение о возможных формах совместной работы». После окончания заседания Федосеева обступили члены Генделевского общества из ГДР, из ФРГ. Бойчее всех оказался американец. Он говорил, что у них тоже есть Генделевское общество, тоже проводятся генделевские фестивали в Мэриленде, что им тоже интересен русский хор. И все это — жизнерадостной скороговоркой. Мы никогда не выступаем с инициативой. Ни с какой. Если по неведомым нам причинам где-то на Западе возник интерес к той или иной области нашей культуры, мы рады сотрудничать. Но сами «не высываемся», и более чем

ной — просто ли нам будет даже «соответствовать»?

На фестивале выступал Малый симфонический оркестр СССР (руководитель Ю. Симонов). Элегантная манера этого коллектива пригласила по душе ценителям прекрасного в Галле. В программе концертов была музыка пяти немецких композиторов. Советник Ландграф спросил Симонова: «Почему же вы не играет русскую музыку?» — «А потому, — ответил Юрий Иванович, — что в Госконцерте сказали: едете в Германию, значит, везете только немецких композиторов».

Говорим о Госконцерте, говорим... а ведь в самом деле, зачем искусству чиновник, который не понимает элементарного, что народы, как люди, каждый интересен другим «лица не общим выраженьем...».

Фестивальные события в Галле, сменяя друг друга, шли своим чередом. Спектакли, концерты, коллективы профессиональные и самодеятельные. В одном только Галле — 32 зарегистрированных хора. Регистрируются же здесь лишь коллективы, прочно стоящие на ногах, имеющие не одну концертную программу. Добивается признания куда большее количество хоров — тоже не веселая информация к нашему домашнему размышлению...

На заключительном концерте в Ледовом дворце спорта вслед за Генделем зазвучал Верди. И с удивительной ясностью пришло и утвердилось в душе осознание, что в этом мире так много — народы, страны, эпохи... Наверное, потому, что концерт этот проходил в самом центре Европы. Или потому, что Гендель, как никто другой, соединил в единую гармонию музыкальные истоки Германии, Италии, Англии. Или потому, наконец, что всем нам, кто бы мы ни были, было хорошо вместе на фестивале в самом музыкальном городе ГДР.

Эльвира ГОРЧАКОВА.
(Наш спец. корр.)

ГАЛЛЕ.
● На одном из концертов фестиваля.

● Сцена из оперы Генделя «Ифигения».